

**«ЧТО ВЫГОДНО ДЛЯ РОССИИ, ТО ВЫГОДНО И ДЛЯ СЕРБА И
ДЛЯ БОЛГАРИНА И ДЛЯ ВСЕГО СЛАВЯНСТВА»
СЕРБСКО-ТУРЕЦКАЯ КАМПАНИЯ 1876 Г. В ОСВЕЩЕНИИ
ПЕРЕПИСКИ М. Г. ЧЕРНЯЕВА С И. С. АКСАКОВЫМ**

В статье рассматриваются события, связанные с участием русских добровольцев в сербско-турецкой войне в 1876 г. В качестве источниковой базы исследования используются письма М.Г. Черняева, ставшего главнокомандующим сербской армией, и И.С. Аксакова, возглавлявшего Московский славянский комитет.

Ключевые слова: М.Г. Черняев, И.С. Аксаков, сербско-турецкая война, 1876 г.

Участник среднеазиатских походов 1860-х гг. и покоритель Ташкента Михаил Григорьевич Черняев принял самое деятельное участие в событиях 1876 г. на Балканском полуострове, к которым оказалось приковано внимание как России, так и стран Европы. Боснийско-герцеговинское восстание, начавшееся в 1875 г., побудило черногорцев и сербов выступить против Турции в июне 1876 г., несмотря на энергичные попытки великих держав, включая и Россию, сдержать Сербию. Симпатии М.Г. Черняева были на стороне славянских народов, при первой же возможности он отправился в Сербию и оставался там до конца военных действий. Несмотря на то, что деятельность Черняева в Сербии получила неоднозначные оценки как среди современников, так и среди новейших исследователей¹, не представляется возможным отрицать то, что его роль в происходивших событиях была крайне важна. Немаловажное значение имела и деятельность председателя Московского славянского комитета Ивана Сергеевича Аксакова, который, оставаясь в России, делал все возможное для оказания помощи участникам антитурецкого движения и был напрямую связан с М.Г. Черняевым. Их переписка служит одним из интереснейших источников по истории сербско-турецкой войны, ценность ее состоит в том, что письма прямых участников событий содержат непосредственные впечатления и мысли, изложенные в естественной и подчас эмоциональной форме.

К середине 1870-х гг. М.Г. Черняев и И.С. Аксаков были знакомы не понаслышке, их объединяла общность взглядов и рода деятельности: оказавшийся в отставке Черняев начал издавать в Санкт-Петербурге газету «Русский мир» и чувствовал себя солидарным с московским кружком славянофилов, группировавшихся вокруг И.С. Аксакова. Несмотря на то, что Аксаков критично относился к издательской деятельности Черняева, даже назвав его в письме В.А. Черкасскому «плохим редактором и неглубоким мыслителем»², это не мешало им действовать совместно. В сентябре 1875 г. «Русский мир» открыл подписку в пользу

¹ См.: Кочуков 2009: 67; Шемякин 2012: 187–188.

² Аксаков Иван Сергеевич 2013: 198.

герцеговинцев, что не могло не получить одобрения Аксакова, также присоединившегося к сбору средств³. В ноябре 1875 г. Черняев письменно обратился к Аксакову с просьбой помочь прапорщику Мостичу отправиться в Черногорию для участия в военных действиях против турок; любопытна приписка в конце письма, где Черняев объясняет свое нежелание обращаться в Санкт-Петербургский славянский комитет тем, что «взгляды его на восстание в Герцеговине слишком официальные»⁴.

В феврале 1876 г. М.Г. Черняев решил ехать к месту боевых действий, хотя III Отделением были приняты меры, чтобы этого не допустить: ему было отказано в выдаче загранпаспорта, и он дал слово императору не ездить к герцеговинцам. Отставной генерал вступил в переговоры с руководством Московского славянского комитета – И.С. Аксаковым, П.Н. Батюшковым, Н.А. Поповым, которые не возражали против его планов⁵. Фактически именно Славянским комитетом была организована поездка Черняева в Сербию: по свидетельству Н.Н. Дурново, он лично обратился к сербскому митрополиту Михаилу и получил согласие сербского правительства на прибытие Черняева в Сербию⁶. Кроме того, от Аксакова Черняев получил деньги на поездку – 5 тыс. рублей⁷.

Одно из писем было отправлено Черняевым Аксакову в пути, из Кишинева, а следующее, датированное 29 апреля 1876 г., было написано уже в Белграде. В нем Черняев излагает свои первые впечатления от ситуации в Сербии и в то же время предлагает вполне конкретную программу действий, в реализации которой без поддержки Аксакова было не обойтись. Черняев пишет о воодушевлении местного населения, отмечает, как хорошо его принимают, и признает, что на него возлагаются слишком большие надежды. Среди проблем, стоявших перед сербским правительством, он выделяет прежде всего нехватку денежных средств. Попытки сделать заем в Европе ожидаемо оказались неудачными, так что Россия оставалась единственной страной, способной предоставить Сербии необходимые средства. Излагая излагает детали предполагаемого займа, сообщенные ему сербским министром юстиции Груичем, Черняев просит Аксакова похлопотать об успехе этого займа. Его оценка ситуации выглядела следующим образом: «Москва оказала бы большую помощь Сербии, помощь, которую страна никогда бы не забыла, так как этим займом она приобретает средства для борьбы за свое существование»⁸. И.С. Аксаков сделал все от него зависящее, чтобы помочь Сербии с займом, подключив к этому личные связи: директор Государственного банка Е.И. Ламанский приходился братом известному слависту В.И. Ламанскому, с которым Аксаков был дружен. В итоге, Ламанские состави-

³ Там же.

⁴ Черняев 2018: 35.

⁵ Никитин 1960: 191.

⁶ Дурново 1899: 533–535.

⁷ Михайлов 1906: 14.

⁸ Освобождение Болгарии от турецкого ига 1961: 210.

ли план, согласно которому под прикрытием частных банков финансировать Сербию взялось фактически русское правительство⁹.

На протяжении мая–июня 1876 г. в Сербии шла интенсивная подготовка к выступлению против Турции, и 18(30) июня война была объявлена. Еще ранее М.Г. Черняев принял предложение сербского князя Милана и вступил в сербское подданство, став генералом сербской армии. Официальная позиция России оставалась прежней: дипломаты и военные были против войны, указывая на неготовность сербского войска к вооруженному конфликту – в перспективе же не готова была к втягиванию в крупную войну и сама Россия. В этой ситуации Черняеву, чье пребывание в Сербии не было санкционировано российским правительством, приходилось рассчитывать только на ту поддержку, которую ему мог обеспечить Славянский комитет. Даже его материальное содержание легло на плечи комитета, о чем прямо говорится в письмах Черняева и Аксакова, датированных июнем 1876 г. В письме И.С. Аксакова В.А. Черкасскому от 24 июня 1876 г. автор сообщает, что Черняев известил его об отказе от сербского содержания, объявив, что прислан Московским славянским комитетом. «Это правда, – продолжает Аксаков, – мы содержим и его, и Измайлова»¹⁰. Письмо самого Черняева от 26 июня 1876 г. содержит аналогичную информацию: генерал упоминает о полковнике А.П. Измайлове, ставшем его помощником в Сербии, и благодарит Аксакова за «присланные вновь 600 червонцев»¹¹. Более того, несколько позднее Славянский комитет взял на себя обеспечение и семьи генерала, оставшейся в России: после того как в августе 1876 г. Черняев прислал телеграмму о возможности отослать 500 рублей семье, Аксаков отправил его жене 3 тыс. рублей и известил, что будет посылать ей тысячу рублей каждый месяц, пока ее муж служит в Сербии¹².

Начавшиеся военные действия вызвали подъем общественных настроений в России в пользу славянских народов, боровшихся за свою свободу: пожертвования и отправка добровольцев на Балканы приняли широкий размах. Позиция российских властей была противоречива: негласно славянское движение поощрялось, но правительство не вмешивалось в общественные инициативы, всячески избегая придания им официального характера, и предостерегало прессу и славянские комитеты от резких внешнеполитических заявлений¹³. Тем самым в роли центров, координирующих усилия представителей русской общественности, оказались славянские комитеты, в первую очередь Московский славянский комитет во главе с Аксаковым. Славянским комитетам пришлось подняться на совершенно новый для них уровень деятельности, перейдя от гуманитарных акций к военно-политическим. Так, одной из

⁹ Власова 2016: 29.

¹⁰ Аксаков Иван Сергеевич 2013: 233.

¹¹ Черняев 2018: 38.

¹² Аксаков Иван Сергеевич 2013: 235.

¹³ Например, см.: Москва – Сербия. Белград – Россия 2011: 419–420.

основных задач для комитетов летом 1876 г. стала организация отправки добровольцев в Сербию. М.Г. Черняев, будучи назначен главнокомандующим сербской армией, быстро убедился в ограниченности ресурсов Сербии для ведения войны, и потому в значительной степени строил свои планы на получении помощи с российской стороны. Для Черняева связь с Аксаковым служила выражением как моральной, так и материальной поддержки его деятельности в Сербии.

Неудивительно, что обращения Черняева к Аксакову представляли собой призыв о помощи в решении тех проблем, с которыми он сталкивался. Например, в конце июля Черняевым были отправлены две телеграммы: одна из них содержала текст «Бога ради, посылайте офицеров, здесь на тысячу солдат один офицер. Положение очень серьезное», а во второй генерал просил прислать походный иконостас, которых в возглавляемой им армии не оказалось¹⁴. В начале сентября встал вопрос о снабжении сербской армии теплой одеждой, и вновь Черняеву ничего не оставалось иного, как обращаться к Аксакову¹⁵. В более обстоятельном письме от 12 июля 1876 г. Черняев излагает Аксакову свои мысли о возможности оказания помощи болгарскому населению¹⁶.

В вопросе об организации действий болгарских повстанцев имелись альтернативы предложениям М.Г. Черняева: генерал Р.А. Фадеев и подполковник И.К. Кишельский предлагали сформировать самостоятельное болгарское ополчение для подъема знамени антитурецкой борьбы в Болгарии. Оценка их планам Аксаков дал в весьма содержательном письме Черняеву от 3 сентября 1876 г. К тому времени военные действия продолжались с переменным успехом, но, в целом, сербской армии с трудом удавалось сдерживать турецкое наступление.

В начале письма Аксаков оценивает участие России в войне, говоря, что ее ведет не правительство, а «сам русский народ», Славянский же комитет является и казначейством, и интендантством, и комиссариатом для Черняева. Об отношении к Черняеву русской общественности Аксаков говорит в возвышенных тонах: «Не забывайте, что Вы теперь самое народное имя в России... что Вы стоите пред лицом Русского Народа, Русского общественного мнения, что столько любви приносится Вам в дар»¹⁷. Письмо имеет характер дружеского послания, лишено налета официозности, и потому в нем раскрыты потаенные мысли Аксакова, который в некоторых вопросах укоряет, пусть и в деликатной форме, своего адресата. Прежде всего, Аксаков просит Черняева хотя бы иногда заявлять благодарность о получении посылаемых вещей и вообще об оказываемом содействии: безусловно, для членов Славянского комитета, много делавших для поддержки освободительного движения на Балканах, эти благодарности могли служить единственной наградой за

¹⁴ Аксаков Иван Сергеевич 2013: 240.

¹⁵ Черняев 2018: 41.

¹⁶ Освобождение Болгарии от турецкого ига 1961: 295.

¹⁷ Черняев 2018: 42.

их усилия. Просматривается в письме и недовольство решением Черняева о назначении начальником штаба В.В. Комарова, который, как пишет И.С. Аксаков, «не пользуется репутацией человека дельного».

Основная же часть письма посвящена рассуждениям о Болгарии и Сербии в контексте столь злободневного в то время для России восточного вопроса. Несмотря на то, что Аксаков дает уничижительную характеристику Кишельскому и Фадееву (первого он называет пустым, а в отношении второго прямо говорит об антипатии), он признает справедливость их расчетов и призывает Черняева взглянуть на ситуацию более широко, с точки зрения интересов России, а не Сербии. «Интересы России, – констатирует Аксаков, – превыше всего, ибо что выгодно для России, то выгодно и для серба и для болгарина и для всего славянства»¹⁸. В будущем столкновении России с Турцией значение Болгарии видится Аксакову более важным, чем Сербии: по его словам, «болгарский вопрос есть вопрос о существовании Турции». Поэтому он предлагает Черняеву взять в свои руки подготовку кадров для болгарской армии.

Таким образом, в данном письме Аксаков предельно трезво подошел к оценке хода событий в Сербии, обрисовав Черняеву, какой представляется его деятельность извне. Послание показательное и в том плане, что за время войны по сути это было первое личное обращение Аксакова к Черняеву – в отличие от сообщений и адресов официального характера. Нужно отдать Аксакову должное: он сумел обозначить свою точку зрения и даже определенные претензии к Черняеву, сохраняя искренне дружеский настрой. При этом нужно учитывать, что Аксаков имел все основания для гораздо более жесткой критики Черняева; например, жена публициста высказывалась о Черняеве гораздо менее лицемерно: тот «вообще обращается в Славянский комитет только с просьбами поскорее прислать вещей и денег, а просимые суммы все возрастают... он никогда ничего не пишет, ничего не объясняет, ни в чем не отчитывается, а его военные успехи отнюдь не столь блестящи, чтобы оправдать эти диктаторские замашки»¹⁹.

Ответ М.Г. Черняева последовал нескоро: письмо писалось с перерывами и было начато 24 сентября, а закончено 2 октября. К тому времени военно-политическая ситуация в Сербии ухудшилась, ответственность за что была возложена на Черняева. Его попытка провозгласить Милана королем сербским для поднятия престижа страны закончилась полным провалом, а заключенное при участии великих держав перемирие было нарушено сербами, что вскоре привело к катастрофическим для них последствиям. Тем не менее, на момент написания письма Черняев был настроен весьма оптимистично, полагая что Турция на 3/4 побеждена Сербией и находится при последнем издыхании²⁰. Он строит планы продолжения борьбы, каковые и были представлены Аксако-

¹⁸ Освобождение Болгарии от турецкого ига 1961: 388.

¹⁹ Тютчева 2008: 526.

²⁰ Черняев 2018: 47.

ву. В первую очередь генерал высказывает свое суждение о Болгарии: на его взгляд, Болгария может подняться только при занятии ее посторонней силой (т.е. либо русской, либо сербской армией), в связи с чем подготовку самостоятельного выступления болгар он считает непрактичным. Ставку он делал на вступление в пределы Болгарии сербской армии, и потому проект Черняева заключался в подготовке сербских войск, усиленных русскими добровольцами, к наступлению. В очередной раз на Славянский комитет возлагались надежды по предоставлению всего необходимого: денег²¹, добровольцев, вооружения, обмундирования. В этом случае Черняев планировал зимой занять Болгарию, причем военное вмешательство России он стал считать излишним²². Затрагивается в письме и вопрос о провозглашении королевства, но и здесь Черняев далек от признания непродуманности такого шага, именуюя это провозглашение народным.

Нельзя не заметить откровенно слабую обоснованность расчетов Черняева, что показали последующие события. Помимо того, что он явно переоценивал собственные силы и возможности Славянского комитета, он не учитывал изменения в отношении к сербам в самой России. Нежелание Сербии следовать курсу российской дипломатии привело к тому, что правительство стало чинить препятствия организуемым Славянскими комитетами акциям²³. Сами добровольческие порывы в русском обществе пошли на спад, одной из основных причин было распространявшееся среди добровольцев разочарование Сербией, которое через их письма начало ощущаться и в России. Состав добровольцев был весьма пестрым, и не все из них оказались готовы к перенесению лишений во имя другого народа. В воспоминаниях и письмах В.П. Мещерского, Н.В. Максимова, Г.И. Успенского, оказавшихся в Сербии осенью 1876 г., отчетливо улавливается диссонанс между первоначальными, во многом идеалистичными, порывами русских добровольцев и будничной действительностью войны, причем войны на чужой им земле. «Что такое Сербия для меня? – задается вопросом прибывший в качестве добровольца Н.В. Максимов, – Сербия – страна одного племени, но разных взглядов, нравов, привычек, убеждений, разного воспитания, развития и направления»; а ниже он дает безжалостную характеристику самим добровольцам: «Мы гордо, надменно явились в Сербию с понятиями спасителей этой страны»²⁴. По сути, многие русские добровольцы прибыли с жадной совершить великое дело, но всеобщей поддержки в Сербии не почувствовали: отсюда и недовольство сербами, обвинения их в трусости и нежелании воевать²⁵.

²¹ Никитин 1960: 298.

²² Черняев 2018: 48.

²³ Например, запреты на формирование добровольческих дружин, что сложно было представить летом 1876 г. (Москва – Сербия. Белград – Россия 2011: 463–464).

²⁴ Максимов 2006: 197–198.

²⁵ Третьякова 2015: 587.

Славянские комитеты, тем не менее, исполняли взятые на себя обязательства до конца: в ответ на призывы Черняева Петербургский комитет по согласованию с Московским послал в Сербию почти всю наличность – 100 тыс. руб.²⁶ Однако спустя несколько дней сербская армия была разбита в Джуниском сражении, и спасти Сербию смогло лишь дипломатическое вмешательство российского правительства, предъявившего Турции ультимативное требование прекратить военные действия. Война была остановлена, и своеобразной формой оценки ее итогов стала Кремлевская речь Александра II 29 октября 1876 г., в которой император заявил о защите балканских славян Россией, но в то же время открыто упрекнул сербов в отсутствии героизма. Данная речь послужила сигналом для нападков прессы на Сербию и Черняева, что болезненным образом отразилось и на положении славянских комитетов.

Именно в такой атмосфере Аксаковым было написано очередное письмо Черняеву, датированное 1 ноября 1876 г. Как и предыдущее, оно было составлено в дружеской манере, и содержало видение Аксаковым восточного вопроса в целом. Аксаков констатирует, что решить восточный вопрос не способна ни Сербия, ни даже русское общество, а лишь Россия как государственный механизм²⁷. Post factum он признается, что «имел в виду вызвать именно официальное участие России и никогда не верил в возможность решать дело деятельностью одних Комитетов»²⁸. Он указывает, что Сербия оказалась неподготовленной к войне не только в смысле организации, но и в «смысле духовном и просто-напросто негостеприимной». Обращаясь к речи Александра II, Аксаков пишет, что тот «выразил только общее чувство и мнение, хотя нельзя не пожалеть, что эти слова – о сербах – были им сказаны». В результате всего, что произошло, считает Аксаков, отношения русских и сербов надолго испорчены, но взгляд устремлен в будущее, и его призывы к Черняеву проникнуты нотками надежды. Он советует генералу, потерявшему свою армию, не обвинять в неудаче Россию, а примириться с государем с тем, чтобы принять участие в будущей войне, где выступит Россия.

Положение в самом деле было незавидным: в Сербии все было потеряно, а въезд в Россию ему запрещался по указанию императора. Несмотря на увещания, Черняев продолжал возлагать вину за свое поражение на российское правительство. В письме Аксакову от 15 ноября 1876 г. он заявляет: «Все данные... говорят о том, что официальная Россия подготовляла Джунискую катастрофу, чтобы потушить славянское движение. Прав ли я или нет, время обнаружит. Говорите, сколько угодно, об моем промахе, будущее покажет, кто промахнулся»²⁹. Тем не менее, он последовал совету Аксакова, и 17 ноября обратился с письмом к Александру II. В нем он выражает свою верноподданность, обозначая

²⁶ Никитин 1960: 298.

²⁷ Черняев 2018: 51.

²⁸ Там же: 52–53.

²⁹ Москва – Сербия. Белград – Россия 2011: 585.

свою миссию в Сербии следующим образом: «моя скромная задача состоит в том чтобы удерживать напор мусульманских сил на страну, вверившую мне свою защиту, пока не раздастся Твоё царственное слово»³⁰.

Обращение возымело результат, и российские власти перестали игнорировать Черняева: он был приглашен в Кишинев, откуда и отправил письмо Аксакову. Настрой этого послания более спокоен, хотя генерал все же не удержался от упрека: «Неужели Вы верите, что можно было сделать больше того, что сделано мною. ...Если бы Вы были в Делиграде и приехали сюда взглянуть что делается, то, быть может, перешли бы на мою сторону»³¹. Основная же часть письма посвящена судьбе русских добровольцев, о которых Черняев просит позаботиться.

В Кишиневе М.Г. Черняеву были предложены разные варианты устройства его дальнейшей судьбы: назначение в Сербию с поручением, которое, очевидно, он считал для себя унижительным, поселение в Киеве или отъезд за границу. В результате, он решил отправиться в Европу, и последнее его письмо, датированное 1876 г., было отправлено уже из Вены. Черняев продолжает оправдываться перед Аксаковым в неудаче, указывая на недостаточную его поддержку: «Одно поощрение к борьбе со стороны русского общества без действительной, сообразной с потребностями помощи повело к настоящим недоразумениям между русскими и сербами». Обещает он дать отчет об имевшихся в его распоряжении денежных суммах, чтобы Аксаков убедился, что количество бывших у него «денег также преувеличено в воображении наших недоброжелателей, как и число добровольцев»³². Несмотря на то, что сам Черняев обозначает свои мотивы как желание объясниться, общий тон письма по-прежнему можно охарактеризовать как дружеское послание.

Своеобразным завершением письменного диалога Черняева и Аксакова, касающегося раздумий о событиях 1876 г., являются два письма: письмо Аксакова от 4 января 1877 г. и ответ Черняева. В своем письме Аксаков дает общую оценку не только и не столько сербско-турецкой войны, сколько того, что он знал о действиях Черняева и как их воспринимал. Текст содержит достаточно резкие выпады, но при этом Аксаков не обличает, а делится своими мыслями и сопереживает Черняеву, разделяя его боль от поражения. Он не берется судить о военных операциях, признавая, что победа турок рано или поздно была неизбежна, и сразу обозначает свое личное неизменное отношение к Черняеву: «из всей этой грязи, которою как тиною заволочло теперь весь этот добровольческий период прошлого года, одно имя вышло вполне чистым – это Ваше»³³. Однако итогом войны вместо спасения Сербии стало ее поражение, а на смену братолюбию пришло едва ли не братоненавидение – в допущенных ошибках Аксаков и пытается разобраться, призывая к то-

³⁰ Черняев 2018: 55–56.

³¹ Москва – Сербия. Белград – Россия 2011: 491.

³² Черняев 2018: 57–58.

³³ Там же: 59.

му же Черняева. Во-первых, полагает Аксаков, Джуниское поражение превратилось в разгром вследствие бегства штаба Черняева. Во-вторых, он указывает на плохо поставленную организацию снабжения: по его словам, до 1000 пудов грузов Славянского комитета бесцельно пролежало до ноября, будучи наполовину разворовано и испорчено. В-третьих, он ссылается на излишние траты: например, создание черняевского эскадрона, одетого в особые мундиры. Наконец, Аксаков порицает Черняева за то, как тот себя повел после поражения Сербии. Обращение к императору, как он считает, запоздало, и характер этого обращения он не одобряет, говоря, что получился «какой-то манифест или адрес от имени Сербского народа русскому Царю»³⁴. Не согласен Аксаков и с решением Черняева не возвращаться в Россию, а удалиться в Европу: по его мнению, даже внешне унижительное пребывание в Киеве лучше, чем странствование по Европе и стяжание пустых оваций³⁵. Аксаков прямо укоряет Черняева в тщеславии, заявляя: «Россия такая земля, что чем больше кто старается возвысить свои заслуги, тем больше он теряет в общем мнении и наоборот»³⁶.

Для достойного ответа Черняеву требовалось собраться со всеми душевными силами. Он признается, что несколько раз принимался писать, но каждый раз рвал свои письма – сохранившийся экземпляр был написан в Париже 29 марта 1877 г., но, видимо, так и не был отправлен. Начинает Черняев с оценки правительства, которое, по его мнению, не может стать на славянскую почву. Пессимистичен он в преддверии разворачивавшейся русско-турецкой войны и в отношении русской армии, особенно ее командования, причем он предвидит и даже призывает безуспешный исход войны: «Дальнейшие результаты, даже неудачной войны, будут для нас полезнее последней Крымской. Вместо канцелярских реформ мы можем стать на свободную народную почву. Немецкое командование заменить русским управлением»³⁷. После этого Черняев последовательно отвечает на упреки Аксакова. Он дает общий финансовый отчет и распределяет расходы полученных им 230 тыс. руб., попутно даже признавая неизбежные в военных условиях хищения и потери. Обвинения в роскошестве отвергаются, и в письме содержатся разнообразные финансовые детали: содержание солдат и офицеров, столование штаба армии, пошив обмундирования для эскадрона, носившего его имя. В целом, Черняев изображает свои траты несопоставимыми с масштабом решаемых им задач, особенно на фоне многомиллионных военных операций, финансируемых правительством. Защищает он в письме и свой штаб, и армию в целом, как русских добровольцев, так и сербов: добровольцев он характеризует как идеал войска, а про сербов пишет, что нападки на них преувеличены донельзя. Наконец, Черняев возража-

³⁴ Там же: 60.

³⁵ Там же: 61.

³⁶ Там же: 63.

³⁷ Там же: 64.

ет Аксакову в том, что ему следовало проявить смирение и согласиться на проживание в Киеве: «это смирение было бы с моей стороны притворство, и никто ему бы не поверил»³⁸.

Обозревая переписку М.Г. Черняева и И.С. Аксакова по ситуации в Сербии в 1876 г., нужно прежде всего отметить, что именно их совместная деятельность стала выражением участия русского общества в борьбе сербов против Турции. Если Черняев находился в гуще событий, и его имя обрело притягательность для отправлявшихся в Сербию русских добровольцев, то Аксаков, оставаясь в России, обеспечивал всестороннюю поддержку добровольческого движения – начиная с пропагандистской кампании и заканчивая материальным обеспечением добровольцев. Ведущая роль в этой связке объективно должна была принадлежать Аксакову – Черняев, в полной мере зависевший от той поддержки, которую получал из России, больше нуждался в Аксакове, чем тот в нем. Изначально сам Черняев в какой-то мере являлся креатурой Славянского комитета, который и организовал его поездку в Сербию. Несмотря на то, что Аксаков находился вдали от театра военных действий, его видение ситуации было намного шире, чем у Черняева. Публицист получал информацию из разнообразных источников, в т.ч. и сведения о Черняеве: например, Аксакову адресовались письма помощника Черняева А.Л. Измайлова, а также представителей Славянского комитета в Сербии В.Н. Теплова и П.А. Висковатова, которые рисовали деятельность генерала не в радужных тонах и не скрывали имеющихся проблем. В то же время, сложно согласиться с мнением О.В. Червинской, что все шаги Черняева делались под руководством Аксакова³⁹. Отнюдь – Аксаков, признававший свою некомпетентность в военных делах, не пытался контролировать Черняева, и характер его писем далек от менторского тона, как это могло бы быть.

М.Г. Черняев и И.С. Аксаков были связаны осознанием участия в общем деле, пусть у них и имелись разногласия по некоторым вопросам. Основное из них заключалось в том, что Аксаков понимал ограниченность добровольческого движения, и для него волна общественной поддержки в пользу сербов была средством вынудить вступить в войну российское правительство, в то время как Черняев всеерьезно поверил в возможность победы без вмешательства России. Соответственно, Аксаков лояльно воспринял итоги войны, став на государственную точку зрения, тогда как Черняев прямо обвинял в поражении Россию, и в его парижском письме заметны фрондистские настроения. Несмотря ни на что каждый исполнил понимаемый им долг до конца. И.С. Аксаков, сделав ставку на Черняева, до последнего момента поддерживал его в Сербии. М.Г. Черняев же во многом оказался заложником возглававшихся на него надежд, и для него поражение Сербии стало подлинной трагедией.

³⁸ Там же: 69.

³⁹ Червинская 2010.

Но в конечном итоге, по оценке современника событий, именно «не увенчавшийся успехом подвиг Черняева более подвинул Славянское самосознание, чем годы самой талантливой и деятельной литературной пропаганды»⁴⁰.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 5. Ч. 1 / Сост. С.В. Мотин, И.И. Мельников, А.А. Мельникова; под ред. С.В. Мотина. Уфа: УЮИ МВД России, 2013. 250 с. [Aksakov Ivan Sergeevich. Materialy dlya letopisi zhizni i tvorchestva. Вып. 5. Ч. 1 / Sost. S.V. Motin, I.I. Mel'nikov, A.A. Mel'nikova; pod red. S.V. Motina. Ufa: UYuI MVD Rossii, 2013. 250 s.]
- Власова Ю.В. Политика России в деле урегулирования сербо-турецкого конфликта 1876 г. // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер.: социально-гуманитарные науки. 2016. № 2 (10). С. 25–32 [Vlasova Yu.V. Politika Rossii v dele uregulirovaniya serbo-tureczkogo konflikta 1876 g. // Nauchnyj vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: social'no-gumanitarnye nauki. 2016. № 2 (10). S. 25–32.]
- Данилевский Н.Я. Война за Болгарию // Данилевский Н.Я. Горе победителям. М.: «Алир», ГУП «Облиздат», 1998. С. 54–179. [Danilevskij N.Ya. Vojna za Bolgariyu // Danilevskij N.Ya. Gore pobediteleyam. M.: «Alir», GUP «Oblizdat», 1998. S. 54–179.]
- Дурново Н.Н. К истории сербско-турецкой войны 1876 года // Исторический вестник. Т. LXXV. 1899. С. 531–537. [Durnovo N. N. K istorii serbsko-tureczkoj vojny 1876 goda // Istoricheskiy vestnik. T. LXXV. 1899. S. 531–537.]
- Кочуков С.А. Русские на Балканах в 1876 г. в свете источников личного происхождения // Известия Саратовского университета. Серия История. Международные отношения. 2009. Т. 9. № 1. С. 65–68. [Kochukov S. A. Russkie na Balkanah v 1876 g. v svete istochnikov lichnogo proishozhdeniya // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2009. T. 9. № 1. S. 65–68.]
- Максимов Н.В. Две войны 1876–1878 гг. Воспоминания и рассказы из событий последних войн // Русские о Сербии и сербах. Т. 1 / Сост. А.Л. Шемьякин. СПб.: Алетейя, 2006. С. 176–205. [Maksimov N.V. Dve vojny 1876–1878 gg. Vospominaniya i rasskazy iz sobytij poslednih vojn // Russkie o Serbii i serbah. T. I / Sost. A.L. Shemyakin. SPb.: Aletejya, 2006. S. 176–205.]
- Михайлов А. Михаил Григорьевич Черняев. Биографический очерк. СПб., 1906. 165 с. [Mihajlov A. Mihail Grigor'evich Chernyaev. Biograficheskiy ocherk. SPb., 1906. 165 s.]
- Москва – Сербия. Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Т. 2: Общественно-политические связи 1804–1878 гг. / Сост.: А. Тимофеев, Е. Иванова и др. Белград; М., 2011. 940 с. [Moskva – Serbiya. Belgrad – Rossiya. Sbornik dokumentov i materialov. T. 2: Obshhestvenno-politicheskie svyazi 1804–1878 gg. / Sost.: A. Timofeev, E. Ivanova i dr. Belgrad; M., 2011. 940 s.]
- Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 гг. М.: Изд-во Московского университета, 1960. 362 с. [Nikitin S. A. Slavyanskije komitety v Rossii v 1858–1876 godah. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1960. 362 s.]
- Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы. Т. 1 / Под ред. С.А. Никитина и др. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 715 с. [Osvobozhdenie Bolgarii ot tureczkogo iga. Dokumenty. T. 1 / Pod red. S.A. Nikitina i dr. M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1961. 715 s.]
- Третьякова С. Н. Русское добровольческое движение в Сербии (1876 г.) и отношение общества к нему // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI вв. Ч. 2. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. С. 581–588. [Tret'yakova S. N. Russkoe dobrovol' cheskoe dvizhenie v Serbii (1876 g.) i otnoshenie obshhestva k nemu // Gosudarstvo, obshhestvo, cerkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov. Ch. 2. Ivanovo: Ivan. gos. un-t, 2015. S. 581–588.]
- Тютчева А.Ф. Воспоминания: При дворе двух императоров. М.: «Захаров», 2008. 591 с. [Tyutcheva A.F. Vospominaniya: Pri dvore dvuh imperatorov. M.: «Zaharov», 2008. 591 s.]
- Червинская О. Писатель как историограф: сербский вопрос и личность генерала М.Г. Черняева в рецепции Ф.М. Достоевского (непрочитанная страница «Дневника писателя»)

⁴⁰ Данилевский 1998: 56.

// Исторична панорама. Вип. 10. Чернівці: Чернівецький нац. ун-т, 2010. С. 41–66. [Chervinskaya O. Pisatel' kak istoriograf: serbskij vopros i lichnost' generala M.G. Chernyayeva v recepcii F.M. Dostoevskogo (neprochitannaya stranitsa «Dnevnika pisatelya»)]
 // Istorichna panorama. Vip. 10. Chernivci: Chernivecz'kij nac. un-t, 2010. S. 41–66.]

Черняев М.Г. Статьи, письма, воспоминания / Под ред. А.А. Ширинянца, авт.-сост. Ю.А. Курдин, А.Р. Панов, А.В. Пряников, О.Д. Тальская, А.А. Ширинянец. М.: Изд-во Московского ун-та, 2018. 484 с. [Chernyayev M.G. Stat'i, pis'ma, vospominaniya / Pod red. A.A. Shirinyancza, avt.-sost. Yu.A. Kurdin, A.R. Panov, A.V. Pryanikov, O.D. Talskaya, A.A. Shirinyancz. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2018. 484 s.]

Шемьякин А.Л. М.Г. Черняев и Сербия // Величие и язвы Российской империи. Международный научный сборник к 50-летию О.Р. Айрапетова. М.: «Регнум», 2012. С. 187–200 [Shemyakin A.L. M.G. Chernyayev i Serbiya // Velichie i yazvy Rossijskoj imperii. Mezhdunarodnyj nauchnyj sbornik k 50-letiyu O.R. Ajrapetova. M.: «Regnum», 2012. S. 187–200.]

Курдин Юрий Александрович, кандидат филологических наук, доцент, декан, историко-филологический факультет, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского; yukurdin@mail.ru

Панов Александр Ростиславович, доктор исторических наук, профессор, заведующий, кафедра истории и обществознания, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского; panov_alexandr@mail.ru

«What is beneficial for Russia, it is beneficial for both Serbs and Bulgarians and all Slavs»: Serbian-Turkish Campaign of 1876 according to correspondence by M. G. Chernyayev and I. S. Aksakov

The article deals with the events of Serbian-Turkish war (1876) and participation of Russian volunteers in it. As a primary source are used the letters of M. G. Chernyayev, who was Commander-in-Chief of the Serbian army, and I. S. Aksakov, chairman of the Slavic Charitable Society.

Key words: M. G. Chernyayev, I. S. Aksakov, Serbian-Turkish war, 1876.

Kurdin Yuri Aleksandrovich, PhD. (Philology), Dean of the Faculty of History and Philology, Arzamas branch of State University of Nizhny Novgorod; yukurdin@mail.ru

Panov Aleksandr Rostislavovich, Dr.Sc. (History), Head of the Department of History and Social Sciences, Arzamas branch of State University of Nizhny Novgorod; e-mail: panov_alexandr@mail.ru